

ной окраской: to be comforted (3), wonder (1), joy (1). Группа слов с оценочным компонентом логически дополняет предыдущие группы слов, существенно увеличивая выразительные средства, качество текста: cunningly (2), nonsense (1), wisely (1).

Слова лексико-тематической группы с эмоциональным, оценочным и экспрессивным компонентами значения включают, кроме эмоционально-оценочного, еще и информативность. Слова данной группы призваны активизировать чувственное и рациональное восприятие читателя, привлечь его к «сопереживанию», наглядному представлению описываемого. Тем самым они оказывают определенное воздействие на читателя, настраивая его на определенную эмоциональную тональность, т. е. выполняют прагматическую функцию настроенности на запрограммированное автором восприятие.

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 120.

² См.: Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. 1979. С. 113 и далее.

³ Бахтин М. М. Проблемы текста: Опыт философского анализа // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 122.

ГО ДАВЭНЬ

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ СРАВНЕНИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА (на материале китайско-русских соответствий)

Сравнение как одно из активных стилистических средств способно создать художественную выразительность и широко применяется в художественной литературе. Так, в книге «Премиированные рассказы китайских писателей 1982 года», выпущенной на русском языке Издательством литературы на иностранных языках (КНР)¹, нами зафиксировано 162 сравнительных оборота разных типов. Большинство из них соответствует нормам кодифицированного русского литературного языка. Однако обнаружены и некоторые отклонения от норм русского языка. Поскольку они возникают на разных уровнях и вызваны разными причинами, имеют неодинаковый характер, их классификация не может быть однозначна. Так, по структуре сравнительные обороты можно разделить на пять групп: сравнения типа «красный как рак»; сравнения, выраженные творительным падежом имени существительного; сравнения со словами «подобный, похожий» и т. д.; сравнения типа «сильнее, чем», «чем... тем...»; развернутые сравнения с различными союзами. Обнаруженные в исследованном материале отклонения от норм русского языка распределены нами по этим группам. Результаты представлены в таблице.

Структура сравнений	Количество сравнений в текстах	Количество отклонений от нормы
Сравнения типа «красный как рак»	24	3
Сравнения, выраженные творительным падежом имен существительных	1	0
Сравнения со словами «подобный, похожий» и т. д.	4	0
Сравнения типа «сильнее, чем», «чем... тем...»	2	0
Развернутые сравнения	131	8
Итого:	162	11

Как видим, самую высокую частотность употребления имеют развернутые сравнения, при этом процент ошибок в сравнениях этого типа довольно низок. Это объясняется, вероятно, тем, что развернутые сравнения приобретают, с одной стороны, больше «маневренности» и приспособленности к условиям контекста, с другой — меньше стандартности и ограниченности в употреблении. Не менее важно и то, что в развернутых сравнениях несколько ослабляется значение союзов, в результате чего высказывания грамматически упрощаются.

Сравнения типа «красный как рак» встречаются и в китайском, и в русском языках. В анализируемой книге насчитывается 24 таких сравнительных оборота, в том числе три отклонения от нормы. Процент ошибок здесь гораздо выше среднего показателя, полученного нами. При переводе подобных сравнений, на наш взгляд, нужно учитывать некоторые особенности их употребления в двух языковых системах. Во-первых, лексические сочетания сравнений этого типа в китайском языке менее устойчивы и более изменчивы, чем в русском. В русском языке сравнения такого типа обычно имеют фразеологически связанный характер. Во-вторых, каждый из этих языков располагает сравнениями, для которых в другом языке нет полных соответствий. Иначе говоря, они соответствуют друг другу лишь частично, что отражает огромные различия в общественно-историческом развитии двух народов. В переводческой практике затруднения вызывают именно эти различия и несоответствия. В-третьих, в обоих языках имеются одинаковые и по смыслу и по образности сравнения, которые иногда называются «равноценными соответствиями», «эквивалентами», «адекватными переводами» и т. д. Например, и китайцы и русские хорошо знают такие выражения: *белый как снег; легкий как пух; хитрый как лиса; здоровый как бык; сладкий как мед; грязный как свинья; неожиданный как гром среди ясного неба* и т. д. Они отражают общие закономерности жизни. Но надо признать, что подобных эквивалентов в рассматриваемых языках немного.

Что касается частично совпадающих сравнений, то они делятся на две группы: либо одинаковые по смыслу, но различающиеся в образе, либо совпадающие в образе, но различные по смыслу. К первой группе относятся, например, как *грибы после дождя, бледный как полотно, трусливый как заяц* и т. д. Китайский эквивалент русского фразеологизма *как грибы после дождя* выражается в образе бамбука: *как бамбуковый росток после весеннего дождя*. Для передачи смысла русского сравнения-фразеологизма *бледный как полотно* самым подходящим вариантом считается выражение (менее устойчивое по сравнению с русским), звучащее по-китайски буквально: «бледный как чистая бумага». Русское выражение *трусливый как заяц* доступно и для китайцев, но чтобы выразить подобный смысл по-китайски, предпочтительнее употребить фразеологизм *трусливый как мышь*.

Ко второй группе относятся такие сравнения, смысл которых выражается в образах, например, совы, дракона и т. д. По обычаям русского народа, сова — олицетворение мудрости, тогда как в китайском фольклоре она способна предвещать только беды и несчастья. Дракон в Китае символизирует волшебную силу владыки-покровителя, дарующего счастье и благополучие. В русском фольклоре он является хищным чудовищем, олицетворением разрушительной силы.

Вышеуказанные различия и несоответствия вызывают определенные затруднения в переводческой практике, нередко приводят к нарушению норм русского языка. Перевод будет доступен для читателей, на чей язык переводится оригинал, только тогда, когда он создается по законам их языка. Иначе говоря, перевод должен стать явлением языка и культуры того народа, для которого переводят, он не должен быть чем-то чуждым этому народу, навязанным ему извне.

В исследованном нами материале при переводе сравнений были обнаружены разнообразные отклонения от норм русского языка. Условно их можно разделить на пять групп:

1. Неточная передача смысла оригинала из-за расширения компонентного состава фразеологизма (3)*; 2. Нарушение лексической сочетаемости в составе фразеологического оборота (3); 3. Неоправданный дословный перевод фраземы (3); 4. Неоправданное употребление стилистически окрашенных слов (2); 5. Нарушение порядка слов в предложении со сравнительным оборотом (1).

Расширение компонентного состава фразеологизма со значением сравнения наблюдается в следующих примерах. Одна деревенская женщина жалуется на невестку брата, с которой она ссорилась: «Боже ты мой, ты только послушай, что ответила Дун Шуньминь: «Наша семья ставит свинарник, а они при чем?..» Я сразу возразила: «Сестра, как можно так говорить!..» А та в ответ отрезала: «...Нет у нас лишнего мяса и рыбы бросить в эту бездонную бочку!..» — Ты только послушай: как бритвой отбрила» (С. 204). В четырехтомном академическом словаре под словом отбрить написано: «1. Кончить брить. 2. переч. Резко ответить кому-л., отвергая что-л. или отказывая в чем-л.»². В приведенном примере глагол отбрить употребляется в переносном значении, однако слово *бритвой* подчеркивает прямое значение глагола. Выражение «как бритвой», по нашему мнению, тут избыточно. Предложение лучше перефразировать следующим образом: «Ты только послушай, как она меня отбрила!»

Вот еще один пример: «Не дав Сун Гэ открыть рта, Синь Ган словно топором рубанула: «Советую тебе специализироваться на секретаря. Станешь потом секретаршей какой-нибудь важной шишки и всю раз-вернешься, покажешь свое умение быть ушами и глазами...» (С. 183). Рубануть тут употребляется в переносном значении: «Говорить, высказываться о чем-л. прямо и резко». Однако слово *топором* восстанавливает прямое значение глагола: «С размаху, с силой удара секущим орудием, разделять на части», в результате чего смысл высказывания становится неточным. Правильнее, наверняка, перевести предложение так: «Не дав Сун Гэ открыть рта, Синь Ган тут же отрубила...»

Нарушение лексической сочетаемости в большинстве случаев, думается, связано с дословностью перевода. На наш взгляд, дословный перевод оправдан лишь в тех случаях, когда отсутствуют соответствующие реалии в жизни того народа, для которого переводят, или когда необходимо сохранить языковой колорит оригинала. При этом он способствует взаимовлиянию и взаимообогащению языка и культуры разных национальностей. Например, в одной китайской сказке маленький карп, перепрыгнув драконовые ворота, превратился в дракона. Впоследствии образ карпа, перепрыгнувшего драконовые ворота, стал символом людей, чудом изменивших свое положение в обществе. Вот мы читаем: «Да, а третья дочь, Тао Хэн? Эта, подобно сказочному карпу, совершившему прыжок через драконовые ворота, тоже «прыгнула» — в город» (С. 193). Дословный, но удачный, думается, перевод. Смысл передается точно, чувствуется оригинальность и колорит языка-источника.

В то же время дословный, или, по словам некоторых авторов, буквальный, жесткий перевод своей механистичностью, по сути, чужд художественной литературе. Он навязывает читателям некий «смешанный» язык, который лишь кажется похожим на язык читателей, на самом же деле отражает законы и правила другого языка — языка оригинала. Так, русские читатели вряд ли могут уловить тонкости оригинала в такой фразе: «За долгие годы обучения характер у Цяоцяо стал до того походить на характер наставника, словно их отметили одним отбойным шнуром» (С. 300) или «Прежде процветающий, теперь хиреющий машиностроительный завод громадой поднимался над городскими домишками, словно журавль над стаей кур» (С. 12). В данном случае, очевидно, де-

* В скобках указывается количество зафиксированных нами отклонений от норм кодифицированного литературного языка.

ло в том, что переводчик, стараясь быть верным авторскому тексту, игнорировал интерес читателей. А ведь «Бережно сохранять и передать все оттенки мысли, чувств, стиля подлинника во всей полноте и многообразии можно, только отходя от буквы, от дословности, только средствами и по законам нашего языка. Иначе говоря, как очень точно сказал еще Пушкин,— то, что выразил на своем языке иностранный автор, надо перевыразить по-русски»³.

Перевод, тем более художественный,— это не просто выражение определенной информации на другом языке, это передача мысли, духа оригинала «во всей полноте», со всеми тонкостями — переводимыми и непередаваемыми. Среди этих тонкостей есть и стилистическая определенность, и стилевое единство текста. Нарушение стилевого единства текста чаще всего означает отклонение от нормы. Возьмем, к примеру, следующие предложения: «Когда Ли Гуй с грохотом катил свою вагонетку по штреку, казалось, будто прет танк, все шарахались от него в сторону» (С. 62). В авторской речи, на наш взгляд, нет особой необходимости употреблять слово *прет*, которое функционирует за пределами литературного языка и стилистически противостоит контексту, в котором оно находится. Можно предложить другой, более простой вариант перевода: «...казалось, будто это танк...» Стилистически сниженное слово *прет* надо опустить. Обнаружено и такое предложение: «Высокий, сухощавый, с широким костяком, плохо облеченным плотью, он (замдиректора завода — Г. Д.), как скала, грозно возвышается над присутствующими» (С. 34). Дословно переведенное сравнение теряет выразительность в русском тексте, создает ложный образ, ведь предшествующий контекст не «подводит» читателей к сравнению: как может человек, «плохо облеченный плотью» и «сухощавый», возвышаться как скала?

Нарушение порядка слов в предложении со сравнительным оборотом обнаружено в исследованном материале лишь один раз: «Все дела между наставником и учеником были в этом доме общими с другими делами, как масло и вода в одном сосуде, и в то же время отдельными» (С. 306). В оригинале речь идет о связи работы старого плотника и его ученика (его будущего зятя) с их домашними делами. Сравнение явно относится ко всему явлению — и общности, и отдельности, поэтому логичнее и понятнее поставить сравнительный оборот в другое место, например, к концу предложения: «Все дела между наставником и учеником в этом доме были общими с другими делами, и в то же время отдельными от них, как масло и вода в одном сосуде».

В заключение считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что огромная разница между китайским и русским языками определяет значительную сложность и трудность переводческой практики. При переводе сравнений с китайского на русский необходимо, учитывая специфику каждой из этих двух языковых систем, найти эквивалентные или, по крайней мере, наиболее близкие по смыслу варианты перевода.

¹ Премированные рассказы китайских писателей 1982 года. Пекин. 1988. Страницы этого издания даются в тексте статьи, в скобках.

² Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1981.

³ Галь Н. Я. Слово живое и мертвое. 1987. С. 175.

А. Ф. КАЛАШНИКОВА

КОЭФФИЦИЕНТ СТЕПЕНИ ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ И ЕГО КАЧЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ В ОДНОЙ ИЗ ПОДГРУПП ВОСПРОИЗВОДИМЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Поиски наиболее эффективных методов исследования языка привели к тому, что в последние десятилетия очень распространенным стал количественный подход к лингвистическим явлениям. Во-первых, он дает